

Два ухода — два мира

Тема ухода — одна из главных и самых волнующих тем искусства. Будь то уход из жизни, или уход исторический... Именно она стала главной в столь разных спектаклях, как «Вишневый сад» Петера Штайна и «Тевье-Тевель» Сергея Данченко. Своим несомненным успехом обе постановки обязаны игре двух великих актеров современности — Ютте Лампе и Богдану Ступке. Они уходят по-разному. Для Раневской-Лампе — это зов истории, для Тевье-Ступки — изгнание его народа с обжитых мест. Но уходят они с удивительным мужеством и осознанной необходимостью остаться человеком.

Раневская — Ютта Лампе

Она появится на сцене перед весенним рассветом в родной детской и покинет ее в осенних сумерках из обшарпанного чужого дома. Сверкающая, слегка извивающаяся походка с первых же тактов спектакля заворочит и очарует. Врожденное чувство интеллигентности, настроенность к шумам жизни, взрыв эмоций, слезы об утнувшем сыне Грише — от правные точки роли немецкой актрисы. И никакой порочности, которую разглядел в ней брат Гаев. Наоборот: необъяснимый и загадочный шарм. Притом естественность и простота, ибо живет она по законам сердца. Эта ее детская непосредственность особенно хороша, когда в знаменитой сцене с Прохожим, она с естественной легкостью отдает деньги первому встречному. Для нее это не те ценности, чтобы за них держаться. Она живет и держится любовью!

Уже раздали восторженные голоса критики, что спектакль Штайна — идеальный спектакль Станиславского. Это не совсем так. Большая степень условности, рассчитанности мизансцен и заданности персонажей оставляет за немецким режиссером лавры художника сегодняшнего дня.

Это особенно ясно, когда вглядываешься в великолепные сцены третьего и четвертого действий. На фоне почти онегинского бала, словно позаимствованного из знаменитой оперной постановки Станиславского, разыграна вполне современная история. Нет, не пьяный кураж новоявленного «бизнесмена» Лопахина — М. Кенига ужасает эту

Раневскую. С ним все ясно и ей, и Петеру Штайну. Ее тревожит Петя Трофимов, сыгранный Э. Штетцнегером как воинствующий нигилист. Это послелопахинское будущее России ее страшит.

И тогда в самой руссокой и самой грандиозной сцене прощания с домом все садятся и молчат на дорожку (и цепенеет зрительный зал), мы видим мнмое и красивое лицо все понимающей чеховской героини. Ее уход предрешен: срубленный вишневый сад и звон разбитых окон усадьбы — это лопахинско-трофимовский путь России. Раневские покидают дом и ищут счастья на чужбине, чтобы не только сохранить себя, но остаться самими собой...

Тевье — Богдан Ступка

...Он появляется из глубины сцены, таща на себе небольшую повозку. Повести Шолом-Алейхема и пьесе Григория Горина изначально придан вселенский характер. Это тем более интересно в сочетании с подробной и нередко бытовой достоверностью героя Богдана Ступки. Но основное — лирическое и поэтическое начало в вылепленном персонаже. Этот Тевье хитроват, но не в ущерб людям, преклоняется перед Богом и верит в него, а больше всего желает счастья своим детям. И еще он — большой философ из маленького села

Анатовка, затерявшегося в просторах мироздания, что подчеркнуто сценографией спектакля.

В неровном действии, нередко уводящем в этнографические краски, сыгранным артистами из Киева с удивительным тактом и яркостью, Тевье Богдана Ступки упорно ищет ответа на непростые вопросы. Что мешает людям ужиться друг с другом? Что мешает прислушаться друг к другу? Это смешение бытовых деталей (запоминается его кепчонка, добродушный взгляд, нервное подергивание губ и невероятная тоска в глазах) с философскими раздумьями и создает блистательную актерскую работу.

В самом финале, подобно библейскому Моисею, он уводит своих соплеменников со своей родины в просторы Вселенной. Они бредут по замкнутому кругу с кошелками, с небогатым скарбом... Трагический исход народа... Это самая волнующая сцена спектакля, где в прощальном монологе Богдан Ступка стоит на вершине трагедийного искусства. А они бредут и бредут — беженцы, которым сегодня нет числа на нашей земле.

И Ютте Лампе, и Богдану Ступке, их театрам зрительный зал аплодировал стоя. Мы аплодировали и тому, что жалели их героев, и радовались тому, что они не сдались и не надломились. В такие минуты мы становились светлее, ибо ощущали себя людьми.

«Вишневый сад» П. Штайна. Ютта Лампе в роли Раневской.

Фото Владимира СУВОРОВА.

Константин МУХИН.